

Составитель
Григорий Панченко

Paulsen

2019

УДК 82-822
ББК 84 (2Рос=Рус)
К937

К937 **Курс – Полюс!** Сборник фантастики. Составитель Григорий Панченко. –
М.: Паулсен, 2019. – 384 с.

В сборник вошли 32 рассказа. Под одной обложкой их объединила общая вдохновляющая тема – полюса Земли. Когда речь идёт о севере и юге планеты, любой рассказ, даже самый достоверный, звучит как фантастика. Неудивительно, что талантливые писатели не прошли мимо темы. Книга будет интересна и тем, кто любит жанр фантастики, и тем, кто увлечён темой высоких широт.

ISBN 978-5-98797-226-7

© Паулсен, оформление, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*Все года, и века, и эпохи подряд
Всё стремится к теплу от морозов и вьюг,
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?*

*В. Высоцкий. Песня «Белое безмолвие»,
не вошедшая в фильм «Земля Санникова»,
но написанная именно для него*

Ушла эпоха, когда дети мечтали стать полярниками. Впрочем, эпоха, когда столь же многие с детства мечтали стать космонавтами, тоже позади...

Но в мире редко что-то исчезает совсем уж бесследно и навсегда. О глубине космических пространств сейчас вспоминать не будем, а вот интерес к высоким широтам, арктическим и антарктическим, начинает возвращаться. И иллюстрацией к этому стал настоящий сборник.

Собственно говоря, сборнику предшествовал конкурс фантастических рассказов (можно посмотреть здесь: <http://samlib.ru/c/ck8/>). Для фантастики «ледовая» тематика не чужда ещё со времён отцов-основателей, вспомним хоть путешествия жюльверновского капитана Гаттераса или обрубчевскую «Плутонию» с «Землёй Санникова» и далее по списку: «Осколок третиной эпохи» Джека Лондона, «Сокровище снегов» братьев Рони, «Хребты безумия» Лавкрафта, «Белый котик» Киплинга, «Земля вне времени» Берроуза, «Жертвы дракона» Богораза (Тана)... Между прочим, «сибирские» главы «Гиперболоида инженера Гарина» и холодные марсианские просторы «Аэлиты» тоже в этом ряду, хотя Алексей Толстой вроде бы писал совсем о другом!

Организаторы конкурса, они же редколлегия сборника, всё это знали, как знали и о некоторых признаках возобновления интереса к теме в современной фантастике, отечественной (например, «Родина слонов» Олега Дивова) и зарубежной («Террор» Дэна Симонса). Но, по правде сказать, не питали особых надежд, рассматривая конкурс скорее как «пробный камень».

И, как оказалось, напрасно – хотя это та ошибка, которую приятно совершить. Если говорить о количестве и качестве рассказов, то конкурс оказался самым успешным за все годы существования литературной площадки, привлёк внимание не только рядовых участников, но и признанных мастеров – и сразу, без всяких «пробных камней» стал основой книги.

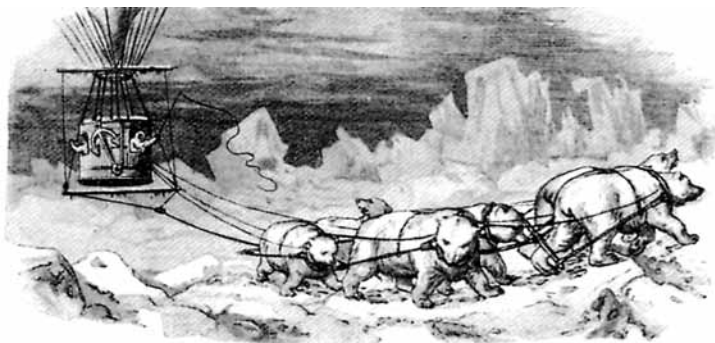
Как видно, время и в самом деле пришло. Очень многих читателей интересует север (а также юг: не экваториальный, но антарктический) как точка приложения сил, возможность испытать силу духа, полигон для научных исследований и многое другое, всего не перечислишь.

Так что птицы вновь потянулись к небу над «белым безмолвием», суровые измерения которого предоставляют больший простор для творческих дерзаний, чем тропический рай уютных чудо-островов...

Григорий Панченко

I

Полдень. Полярный круг

В. ВАСИЛЬЕВ
Будни земных космонавтов

Н. БАТХЕН
Сын Земли

А. ГОЛИКОВ
Двадцать лет и один день

В. ДЕЙЧ
Тыкывак

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Будни земных космонавтов

*Правдивый очерк
из жизни работников Роскосмоса, XXII век*

Зонд свалился со стабильной траектории снижения ещё над Андами, замедлился до критической над Тихим океаном и в дальнейшем тянул почти точно по прямой на северо-запад, с каждой минутой теряя высоту. Сначала в ЦУДе молились, чтобы он дотянул до суши. Потом, когда стало понятно, что в Берингово море ему занырнуть не судьба, молились, чтобы не перетянул в Северный Ледовитый. Молились, судя по всему, истово и годно: до Ледовитого зонд точно не дотягивал. Правда, потом целых четыре минуты казалось, будто он всем назло занырнёт в Колыму, однако до Колымы зонд не дотянул тоже, километров двадцать. Просто в какой-то момент окончательно погасил скорость, после чего чётко, будто на генеральной проверке, отработал процедуру управляемой вертикальной посадки.

В ЦУДе облегчённо выдохнули, зато в отделе полевых операций медленно напряглись, поскольку изначально ожидалась посадка куда ближе к столице. Наземных операций в такой дальней дали, аж на границе Чукотки с Якутией, не помнил ни один действующий работник Роскосмоса. То, что зонд сел на территории России, – прекрасно, хотя сядь он в Китае или Монголии, ситуацию это изменило бы не слишком. Китай нынче заселён вовсе не так, как до депрессии. А в Монголии вообще вряд ли кто-нибудь остался, кроме кочевников. Ну а Россия... Что Россия? В ней и в лучшие-то времена больше ста пятидесяти миллионов не набиралось, а уж теперь...

Главная проблема состояла в том, что восточнее Красноярска у Роскосмоса имелись только законсервированный пост в бывшем Иркутске и формально действующий пост аж с целыми двумя сотрудниками во Владивостоке. Владивосток считался большим городом – в нём постоянно обитало не менее пятнадцати тысяч народу.

Ближайшим заметным населённым пунктом к месту посадки зонда был Анадырь, но если высылать полевую группу, разумнее было ей лететь, разумеется, через Якутск, а не через Анадырь.

В Якутске никаких постов у Роскосмоса не значилось уже лет семьдесят. По-хорошему и в столице, и на остальном Урале сейчас вообще плохо понимали, что там происходит и зачем. Знали только, что Якутск продолжает оставаться пятнышком своей территории посреди бескрайних и безлюдных просторов Восточной Сибири, эдаким цивилизованным анклавчиком посреди дикой природы. Аэропорт, по крайней мере, там исправно работал и каждую неделю принимал рейс из Ёбурга, а каждые две – из Новосиба, Омска и Владика. Стало быть, всегда можно было рассчитывать на дозаправку или срочный ремонт. Ну или на помощь в случае чего-нибудь непредвиденного.

Непредвиденное прилетело и приземлилось вместе со злополучным зондом. Сел-то он, хвала небесам, штатно, даже контрольный тик исправно отослал. Просто сел совсем не там, где ожидали – в относительно населённой Западной Сибири, а в местах, где на тысячи километров окрест только горы, болота, реки, тайга, вечная мерзлота и уже много лет ни души.

Команда готовить оперативный борт поступила уже через двадцать две минуты после посадки зонда на берегу Колымы.

– Ну и? – красноречиво спросил шеф в чине полковника, исподлобья глядя на троих подчинённых – двух майоров и одного штатского.

– Я предлагаю отправить двойку Тарабцева, – скороговоркой выпалил штатский.

– Они же в отгулах! – напомнил один из майоров – тот, что повыше и постройней.

Второй майор, низенький и толстенький, только скорбно вздохнул.

– Ну а кого ещё слать в такие кчёртунарога? – спросил штатский явно риторически. Последние слова он произнёс подчёркнуто слитно.

Полковник тяжело вздохнул.

– Двоими тут не обойдёмся, – произнёс он убеждённо. – Пошлём четверых. Тарабцева – Данченко и Фролова с этим... как его... новеньким.

– Сивоконь! – услужливо подсказал штатский. – Лейтенант Сивоконь его!

Полковник досадливо поморщился.

– Да нет, не Сивоконь! Этого... который из Крыма.

– Из Крыма у нас лейтенант Сурнин.

– Вот! Фролова – Сурнина, стало быть.

– Фролов же у нас всегда с Запальским ходил? – осторожно вклинился в разговор толстенький майор.

– У Запальского жена рожает, – со знанием дела сообщил высокий майор. – Может, уже и родила.

Майор Кудрин знал всё и обо всех: должность такая. А что не знал точно на данную минуту, родила или не родила, – так просто ещё не доложили, а к шефу в кабинет не особо и вломишься с новостями.

Толстенький майор Бизик с сомнением поглядел на полковника.

– Есть ли смысл в такую даль слать новичка?

– Есть, – отрезал шеф. – Если он пойдёт с тремя стариками, один из которых Тарабцев. А то просидел там у себя в Крыму всю жизнь, ни хрена не видел, в танке не горел. Пусть понюхает полевой работы. Отзывайте Тарабцева и Данченко из отгула. И чтобы через час вылетели!

Оба майора и штатский синхронно встали. Бизик уже даже активировал ком над нагрудным карманом. Кусочек майорского мундира обратился в небольшой проектор, транслируя изображение прямо на сетчатку глаз.

– Тарабцев? – произнёс Бизик, выходя из начальственного кабинета вслед за штатским. – Поздравляю, капут твоим отгулам. На старт, форма ноль. Даня с тобой? Он тоже. Пятнадцать минут, в боксах. Я уже туда. Всё!

Майор Бизик сбросил вызов и повернулся к штатскому.

– Ты со мной, Олег Мироныч?

– Сначала в ЦУД! – ответил тот. – А потом на взлётную! Как раз успею!

Штатский шмыгнул к выходу. Оба майора проводили его одинаковыми скептическими взглядами, в которых читалось синхронное: «Нет. Не успеешь...»

– Помчался... – проворчал высокий Кудрин вслух. – Президентским стучать.

– Да ладно тебе, Андреич, работа у него такая. Президентские задно Якутск вздрючат, чтобы ребят без тормозов встретили. Болотник, надеюсь, у них там найдётся какой попристойнее?

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами Кудрин. – наших в Якутске нет. Ты там бывал когда-нибудь? Я – нет.

– И я не бывал. Вроде Крехович бывал. Вызвать?

– Сам вызову. Я в хозчасть, потом сразу в боксы. Собирай пока обормотов.

Майоры тоже направились к выходу. Провожать их взглядом было некому, потому что молчаливый секретарь увлечённо манипулировал пальцами в пустоте перед грудью: наверное, печатал свежий приказ. Проектор и виз над нагрудными карманами тускло отблёскивали, что бывает только во время работы.

– Здорово, Лёха, – не оборачиваясь произнёс Тарабцев, копаясь в недрах шкафчика.

Старший лейтенант Фролов, только что бесшумно вошедший в экипировочную, досадливо крикнул.

– Глаза у тебя на затылке, что ли?

– На затылке у меня затылок, – ответил Тарабцев невозмутимо. Потом повернулся и протянул руку для пожатия.

Фролов поручкался, потом дотянулся до Сани Данченко и ушёл влево, к своему шкафчику.

Данченко поздоровался молча. Он вообще был немногословен.

– А Витька где? – поинтересовался Тарабцев, неторопливо ввинчиваясь в дорожный комбез.

– У Витьки жена рожает. – Фролов вздохнул.

– Как? Опять? – Тарабцев на миг замер и с интересом взглянул на собеседника.

– Ну а чего? Младшему два года скоро...

– Н-да... – обтекаемо прокомментировал Тарабцев.

Фролов соорудил хитрую рожу.

– А я тебе говорил, Толян, – женись! Уже бы своих нянчил.

Тарабцев хмыкнул и возобновил вползание в полевой комбинезон.

– Рано ещё, – сказал он рассудительно. – Успею.

– А четвёртым-то кто? – внезапно спросил Саня Данченко.

Фролов громыхнул дверцей шкафчика и вздохнул.

– Не знаю. Может, из молодых кого навесят? Коня, например.

Данченко не ответил, но на лице у него явственно отразилось неудовольствие. Не любил он ходить с молодыми. Вот не любил – и всё.

Троица успела экипироваться почти полностью, когда в помещение ввалился Славка Сурнин. Высоченный, широкоплечий, белобрысый и улыбающийся.

– Здра-жла, господа старлеи! – бодро рявкнул он и метнулся в самый неудобный угол, где традиционно экипировался молодец.

– Так вот, значит! – констатировал Фролов философски. – Не Конь...

Остальные промолчали.

Ещё через пятнадцать минут все четверо в полной упаковке и при стандартном грузе тряслись в гирокаре по пути на взлётную полосу.

Около боксов в кабину на ходу вскочил майор Кудрин. Обведя полевикув одобрительным взглядом, он присел у самого люка и деловито осведомился:

– Бизик где?

– Борт пакует, – коротко ответил Тарабцев. – Не мандражируй, Андреич, слетаем в вашу Якутию в лучшем виде, какая нам разница? Пока долетим – заодно и выспимся.

Майор Кудрин только протяжно вздохнул в ответ. Если честно, не любил он такие вот полёты за пределы освоенных территорий, когда на координаты глядишь и без карты даже не представляешь – а где это вообще? Аппараты частенько садятся далеко от обозначенных посадочных площадок, что пилотируемые, что нет. Но сейчас даже самый закоренелый и неунывающий оптимист признал бы: зонд приземлился всё-таки далекоовато. Хорошо ещё, что это беспилотник, – живым космонавтам пришлось бы куковать до подлёта эвакуаторов минимум полсуток. Да и делегация по встрече была бы куда представительнее – начальство, врачи, корреспонденты. А где толпа – там всегда тормоза и потеря темпа. Это тревожные группы собираются за полчаса, даже если бравые ребята в момент вызова мирно спали в общежитии или проветривались в Сити-центре.

Подкатили к борту; опытные полевики (а тут все были такие, кроме Сурнина) сразу поняли: всё на мази – птичка под парами, грузовые люки задраены, заправщик уже отвалил, и лоцман нетерпеливо взрывает мотором в начале трассы на старт взлётной. Бизик нетерпеливо переминался с ноги на ногу у трап-лифта.

– Ну наконец-то! Долго копаются, Толя!

– Ничего не долго, – возразил Тарабцев уверенно и косо взглянул на хронометр. – Тридцать семь минут. Ещё и с запасом.

– Шеф молнии мечет!

– Он их всегда мечет. – Тарабцев позволил себе слабо улыбнуться.

Потом поставил груз на бетон, выпрямился, козырнул и звонко доложил:

– Товарищ начальник операции! Группа Тарабцева – Фролова к вылету готова! Командир группы старший лейтенант Тарабцев.

– Вольно! – козырнул в ответ Бизик. – Мироныча ждать не будем, грузитесь! – И махнул рукой.

Свой выездной чемоданчик он уже занёс на борт.

– Ну, братцы, ни пуха! – пожелал майор Кудрин.

– К чёрту! – хором ответили полевики и начали по одному протискиваться в лифт.

Бизик напоследок пожал руку Кудрину и тоже протиснулся в лифт, который почти сразу же втянулся в корпус самолёта.

Отойдя к гироскару, майор Кудрин поглядел, как самолёт вслед за лётчиком вырывается на взлётную полосу, как замирает в её начале, а потом разгоняется и уходит в низкое и пасмурное уральское небо.

Кудрин долго провожал его взглядом, поэтому второй гироскарик заметил, только когда повернулся, чтобы сесть в первый.

Через минуту второй гироскарик подкатил; из него вывалился Олег Мироныч, по-прежнему в штатском, но какой-то непривычно настоженный.

– Опять я опоздал, – сокрушённо произнёс он.

Кудрин молча взирал на него. Долго.

– Что? – наконец не выдержал майор.

– Да это... – поморщился штатский. – Я, когда докладывался, координаты посадки по карте прикинул.

– И что?

– У них оружие в экипировке хоть есть?

– Есть, конечно! – фыркнул Кудрин. – Обижаешь, Мироныч!

– Какое именно? Пукалки офицерские или что посерьёзнее?

– «Лебедевы», как обычно. А что? Они ж в Якутию, там холодно и пусто. Тундра, по шишкам – и то не постреляешь.

Штатский глубоко вздохнул и вполголоса пробормотал:

– Ладно... Надеюсь, в ихнем Якутске найдутся какие-нибудь ружья.

Ничего пока не понимающий Кудрин необычайно остро ощутил: предварительная фаза операции началась.

Дежурный врач и дежурный оружейник резались в нарды прямо рядом с выходом из шахты трап-лифта, а дежурный техник Вася Хомутов болел за оружейника и отпускал ехидные комментарии после каждого хода врача.

Полевикам по традиции уступили все передние кресла; оба стюарда хлопотали на камбузе. Люк в пилотскую кабину был не задраен, поскольку в ближайшие часы десантирования не намечалось, пока только банальный подскок до Якутска.

Майор Бизик для начала зашёл к пилотам. Потом, когда полевики уже расселись, провёл короткий инструктаж. В сущности, вылет был рутинный, если забыть о расстоянии до места посадки зонда. К нему так и отнеслись: сперва пообедали, потом наладились поспать. Дело начнётся позже, а пока – тупо ждать.

В Якутске сели ближе к полуночи по местному времени.

Местное аэродромное начальство пребывало в испуганном ступоре: их действительно взбудрили из администрации президента. Роскосмос тут знали только по названию, поэтому что делать – понятия не имели, но в глаза смотрели преданно-преданно, майор Бизик аж застеснялся. Зато, когда выяснилось, что нужен небольшой шустрый бот на четверых десантников, якуты на радостях выкатили не какой-нибудь жалкий болотник, а вполне исправную «Каплю» – реактивный конвертоплан. Это сэкономило время на второй перелёт чуть ли не втрое. Поскольку из Якутска до места посадки было чуть больше полутора тысяч километров, вся экспедиция заметно оживилась, особенно Бизик и четвёрка полевииков.

Перегрузиться на конвертоплан было делом пятнадцати минут. Основной борт откатали в отстойник, и спецы прямо по-тёмному принялись разворачивать командный пункт.

Осознав, что гости из столицы намерены стартовать прямо сейчас, якуты вторично впали в ступор со словами: «А ужин?» У них оказалось всё уже накрыто в вип-зале аэропорта.

Бизик сначала офигел, потом разозлился, но Тарабцев ему шепнул, что, во-первых, пожрать всё равно нужно, поскольку лететь часа три, а пообедали хрен знает когда, а во-вторых, с гостеприимством на Востоке до сих пор не шутят. Бизик чертыхнулся, посмотрел на часы, опять чертыхнулся, взял за рукав начальника-якута, отвёл в сторону и страшным голосом просипел:

– Не более часа!!!

Якут торопливо закивал.

Надо признать, ребята повели себя профессионально, даже пилоты основного борта: лопали за обе щеки, а от спиртного отказывались наотрез, как хозяева ни изгалялись. «Потом!» – это слово было произнесено многожды, поскольку говорить о возвращении *ad factum* на аэродромах не принято. Через пятьдесят четыре минуты четвёрка полевииков друж-

но встала из-за стола, причём якуты даже не возразили: понимающе поцокали языками и выслали целую делегацию контролировать взлёт. Бизик, понятное дело, отправился с ними, а вот остальная обслуга справедливо решила ещё посидеть, пока ребята лететь будут.

Никто не воспротивился.

Перед взлётом к Бизику по спецканалу дважды пытался дозвониться кто-то из президентских, но отвечать майор не стал: во-первых, был занят, а во-вторых, откровенно утомили уже эти высокомерные и всегда опаздывающие типы.

Рассвет четвёрка Тарабцева встретила в небе над Юкагирским плоскогорьем. Позади остались и Верхоянский хребет, и хребет Черского, и гора Победа, но ими полюбоваться не получилось из-за темноты. Саня Данченко уверенно вёл «Каплю» по ГЛОНАССу, в последние полчаса стараясь не слишком удаляться от лучшего ориентира – Колымы.

Как развиднелось, она стала заметна и через прозрачный колпак кабины – тёмная, почти чёрная лента на фоне зелени слева по борту.

И вот тут-то всплыли первые непонятки.

– Шефу докладывал? – мрачно осведомился Кудрин.

– Чьему? Своему?

– Нашему! – Кудрин поморщился. – До твоих президентских мне дела нет, мог бы и сам догадаться.

– Через их голову не могу, – вздохнул Мироныч. – Мне дело есть, веришь? Своим я намекнул. Может быть, они даже Бизику сообщили, но тут я не уверен: Бизик, когда работает, не факт, что нашим ответит.

– Это да... Ладно, погоди. – Кудрин оживил ком и принялся вызывать Креховича.

– Валера? Привет, привет. Слушай, говорят, ты в Якутске бывал, да? Да не страшно, что давно. Как там вообще? В окрестностях тоже спокойно? Ну, будем надеяться...

Разговор с Креховичем вышел недолгий, и ничего особо нового Кудрин не узнал. На немой вопрос в глазах штатского Олега Мироновича майор неопределённо передёрнул плечами и сообщил:

– Говорит, народ спокойный и хлебосольный. Если могут быть проблемы в... указанном квадрате – они предупредят.

– Ну, будем надеяться, – протянул Мироныч с теми же интонациями, что и сам Кудрин минутой ранее.

Со своим шефом Кудрин потом всё же связался. Шеф ожидаемо отмахнулся: есть факты, о которых следует доложить по форме? Ах, нет, только догадки? Ну вот ступай и выясни. Будут факты – доложишь, а так не морочь голову и не мешай людям работать.

Кудрин козырнул, пробормотал: «Есть, товарищ полковник!» – и вышел из начальственного кабинета, грустно в уме прикидывая – где можно нарыть хоть какие-нибудь факты о неофициальном биосферном эксперименте более чем полувековой давности.

Эксперимент назывался «Плейстоценовый парк».

– Чё-то я не понял, – задумчиво протянул Фролов со штурманского места. Глядел он то на экран навигатора, то наружу, сквозь колпак, то на качественно вытравленную пластиковую топографическую карту северо-востока Якутии.

– Что не так? – насторожился Тарабцев, до того расслабленно возлежавший в командирском кресле.

– Да сам погляди. – Фролов крутнулся к командиру и протянул ему карту.

Если верить приборам и собственным глазам, конвертоплан сейчас летел вдоль основного течения Колымы на северо-восток. Согласно карте это был край тысячи озёр – оба берега представляли собой сплошные заболоченные участки тундры, только левый берег – сколько хватало взгляда прочь от реки, а правый – лишь в непосредственной близости от русла, от силы на пару десятков километров. Дальше же поднималось невысокое плосковерхое нагорье, прорезанное каньоном реки Омолон, которая впадала в ту же Колыму. Ещё северо-восточнее в Колыму впадали Большой Анюй и Малый Анюй, тоже справа. Место их слияния и окрестности общего устья также, если верить карте, представляли собой сплошную заболоченную низину, где пятачки зелени равномерно чередовались с синими пятнами озёр и полосками проток.

Навигатор показывал примерно такую же картину.

В реальности левый берег Колымы выглядел как и положено: мешанина озёр и зелени. А вот правый – фигушки. Всё, что правее Колымы, вплоть до нагорий, представляло собой буро-зелёную равнину, очень редко где перемежаемую небольшими озерцами, которых было исчезающе мало.

Впереди и слева уже угадывалось устье Омолона; судя по всему, бурая равнина раскинулась и там.

И почти никаких озёр.

– Да чего вы кипишуете? – флегматично заметил Саня Данченко. – Ну пересохли болота, что с того? Колыма – вот она. Не заблудимся.

Если верить пеленгам, зонд сел на правом берегу Колымы, где-то сравнительно недалеко от Анюев, к северо-востоку от них.

«Капля» стремительно неслась сквозь прозрачный воздух нарождающегося сибирского дня.

– Давай-ка снижайся, наверное, – велел Тарабцев пилоту. – Слава, как там пеленг?

– Без перемен, норд-ост! – бодро отозвался Сурнин. – Дистанция – около ста пятидесяти плюс-минус пятнадцать!

– Хорошо...

Тарабцев подумал, что земным космонавтом быть иногда ничуть не легче, чем настоящим. И что-то, ядри его в кочерыгу, в последнее время всё чаще!

Река Омолон сверху напоминала не сплошную ленту, а скорее синевато-серое кружево, брошенное на буро-зелёную плоскость. И опять-таки – около её устья на карте значились бесчисленные озёра, а в реальности за пределами многочисленных проток Омолона виднелась почти исключительно суша.

И какие-то непонятные пятнышки на ней, но явно не вода.

– Выходим на позицию, командир, – сообщил Данченко.

Высота таяла с каждой минутой; за Омолоном некоторое время снова летели над невысоким хребтом, поросшим жиденькими лесочками. После хребта до самых Анюев и дальше теоретически должна была простираться обширная низменность, на которой озёр и суши примерно поровну.

Низменность была. Озёр не было, кроме четырёх; причем располагались они примерно на тех местах, где согласно карте должны были находиться самые крупные.

– Как же всё иссохло-то! – Фролов покачал головой и поцокал языком.

«Капля» снизилась настолько, что непонятные пятнышки на буром фоне распались на отдельные подвижные рисочки. Фролов некоторое время созерцал это, а потом его осенило.

– Слушайте, да там зверушки внизу! Целые стада!

– Олени? – предположил с галёрки Сурнин. – Северные?

Ему, сидящему практически в корме, видно было хуже всех, а иллюминаторов в «Капле» не имелось вовсе, поскольку конвертоплан был десантно-грузовой.

– Может, и олени... – неуверенно протянул Фролов.

Минут через десять, когда «Капля» снизилась метров до пятидесяти, бывалому Тарабцеву на миг померещилось, что летят они не над

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПОЛДЕНЬ. ПОЛЯРНЫЙ КРУГ	5
Владимир Васильев. Будни земных космонавтов	7
Ника Батхен. Сын Земли	27
Александр Голиков. Двадцать лет и один день	37
Вероника Дейч. Тыкывак	42
II. ЗАПОЛЯРНАЯ НОЧЬ	55
Лариса Львова. Мёрзлые.	57
Светлана Зотова. Последняя битва	72
Максим Тихомиров. Снегушонок	82
Светлана Бринкер. Холодеет кровь.	90
III. СВЕТ И ТЕНИ НА СНЕГУ	105
Александр Громов. Айдын и докембрий	107
Владимир Бутрим. Ходок	118
Борис Богданов. Солнце	126
Елена Лаевская. Парадокс жизни и нежизни.	146
IV. ЗЕМЛЯ МАМОНТОВ	157
Далия Трускиновская. Они вернутся	159
Григорий Панченко. Рыбий зуб	171
Женя Сторонка. Там, у самого океана	182
Татьяна Тихонова. Мечтатель.	192
V. ПОЛЕ БИТВЫ — СЕВЕР	203
Игорь Вереснев. Люрики во все времена.	205
Сергей Удалин. А вместо сердца пламенный мотор	222
Владимир Марышев. Разум победит	225
Олег Мушинский. Спящий пробудился!	228

VI. ШАМАНСКИЕ ТРОПЫ	241
Олег Дивов. Переговоры на самом верху	243
Дмитрий Осин. Чижик-пыжик	261
Вадим Шарапов. Новый год	275
Алексей Филиппов. Подлекарь Ероха	287
VII. ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА	301
Реми Эйвери. Снежная королева	303
Анастасия Шакирова. Ключи ветров	310
Юлия Горишняя. Легенда о Вэгомисе	315
Сергей Игнатьев. Парень с огромными крыльями	323
VIII. ПЕСЦАМ НА СМЕХ	331
Святослав Логинов. Остров	333
Сергей Носов. Кальсоны капитана Беллинсгаузена	351
Игорь Романович. Третий союзник	368
Андрей Загородний. Полог пьяного леса	371

КУРС – ПОЛЮС!

Сборник фантастики

Составитель Григорий Панченко

Макет и вёрстка *Наталья Гриц*

Корректор *Елена Шичкова*

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7

Тел. (495) 624-86-05, www.paulsen.ru

Подписано в печать 19.05.2019. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Типография «Буки Веди». 115093, Москва, Партийный пер., 1, корп. 58, стр. 2

Тел. 8 (800) 333-42-06, info@bukivedi.com